

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-1-91-66–77

ОБ ОДНОМ ОТОБРАЖЕНИИ АТОНА В ИСЛАМСКО-ЕГИПЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

А.А. Немировский¹, А.А. Банщикова²

^{1,2} *Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия*

² *Институт Африки Российской Академии наук, Москва, Россия*

¹ *E-mail: sidelts@inbox.ru*

² *E-mail: senet_m_ta@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-8023-8817*

² *ORCID: 0000-0001-6130-3417*

Статья посвящена законченному сюжетному эпизоду из повествования исламско-египетского труда «Сокращенное [изложение] диковин» (ок. 1000/1200 г. н.э.) о древнем царе-единобожнике «Малиусе»/«Малике» и его восстановившем язычество преемнике «Хорме»/«Хартабе». Само это повествование уверенно опознается как поздняя форма передачи предания об Эхнатоне и Хоремхебе, непрерывно передававшегося начиная с их времен. Рассматриваемый эпизод касается божественного солнечного диска с ликом, который излетает из водоема и используется Единым Богом для явления через него своей силы в защите угодных Ему и суровом наказании неугодных. Анализ эпизода показывает, что этот диск – легендарное отражение Атона, а связанные с ним мотивы восходят к определенным реминисценциям Ахетатона и религиозных концепций Амарны.

Ключевые слова: исламско-египетская традиция, Псевдо-Масуди, Амарна, Эхнатон, Атон, Хоремхеб

Настоящая статья посвящена одному из наиболее любопытных сюжетов исламской арабоязычной традиции Египта (VIII в. н.э. – Новое время, при застывании с XV–XVI вв.) о древнем прошлом этой страны. Как определенно выяснилось к настоящему времени, эта традиция¹ сформировалась в самом Египте в VIII–IX вв. главным образом на основе доисламских египетских представлений и, соответственно, передавала прежде всего сюжеты, воспроизводившиеся в Египте ранее – в традиции коренных египтян и в греческой александрийской учености (представлявших собой, в свою очередь, «сообщающиеся сосуды»). Многие из этих сюжетов непрерывно передавались египтянами с III–II тыс. до н.э., и значи-

Данные об авторах. Александр Аркадьевич Немировский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН; Анастасия Алексеевна Банщикова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, старший научный сотрудник ИАФР РАН.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378>.

¹ О ней см. Wiet 1953, 16–29; Cook 1983; El-Daly 2005; Банщикова 2015, 19–22, 46–79, 101–102, 133–138; Немировский 2022, 177–188.

тельная их часть дошла только в этой позднейшей арабоязычной передаче². Поэтому сообщения исламско-египетской учености о египетской древности, детальное изучение которых, по сути, только начинается, позволяют радикально расширить наши знания о том, что и как помнили и передавали египтяне о своем прошлом в течение многих веков со времен Бронзового века до исламской эпохи.

В свое время³ мы подробно обращались, по материалам двух наиболее объемных памятников исламско-египетской традиции о древнем Египте – «Сокращенного (изложения) диковин» неизвестного автора⁴ (X/XIII вв., далее – А) и «Кварталов» Макризи⁵ (XV в., далее – М) – к представляющему большой интерес сюжету о древнем царе-единобожнике Малиусе (до сих пор, парадоксальным образом, не привлекающего внимания в науке)⁶. Вкратце напомним, что выяснилось об этом сюжете, начиная с места этого правителя в царском ряду. Исламско-египетская традиция, в том числе оба указанных труда, веками оперировала очень устойчивым, практически одним и тем же списком царей древнего Египта; по этому списку Малиус – 16-й царь до царицы Далуки, а Далука достаточно надежно отвечает Таусерт – грани XIX и XX династий⁷.

² Например: сюжет о царице Далуке, правившей на катастрофическом переломе эпох истории Египта как передача египетской традиции о рубеже XIX/XX династий и царице Таусерт (Банщикова 2007; Немировский 2019а); подробные рассказы о царях и событиях конца Амарнской эпохи, начиная с Тутанхамона (Немировский 2019б), а также о реформе Эхнатона и ее отмене Хоремхебом (Немировский, Банщикова 2020; см. ниже); сюжеты о гиксосах и падении их власти (Немировский 2022, особ. 230–231); отражение древнеегипетских сюжетов о пророчествах, сделанных царям из династии строителей великих пирамид, в исламских повествованиях об этой династии (Ладынин, Немировский 2024). Ни один источник, дошедший от двух- и трехтысячелетних промежутков между самими этими событиями египетской истории и исламскими сочинениями, фиксирующими сюжеты преданий, на проверку восходящих к этим событиям, таких сюжетов не содержит, так что, если бы не исламско-египетский материал, мы не узнали бы, что такие предания существовали. Это не должно удивлять исследователя египетской историко-легендарной традиции: так, в известных нам источниках память о гиксосском Аварисском царстве остается ничем не представлена в течение тысячелетия между новоегипетской повестью об Апопи и Секененра (запись XIII в. до н.э.) и трудом Манефона (III в. до н.э.), а память о завоеваниях и стелах Сенусерта III – в течение почти полутора тысяч лет между ним самим (XIX в. до н.э.) и рассказом Геродота о войнах и стелах «Сесостриса». Можно констатировать, что подавляющая часть существовавших некогда письменных передач египетских историко-легендарных сюжетов до нас просто не дошла.

³ Немировский, Банщикова 2020.

⁴ Ходило главным образом под названиями «Мухтасар ал-аджаиб» («Сокращенное [изложение] диковин») и «Ахбар аз-заман» («Известия времени»), приписывалось то Масуди (X в.), что, вне сомнений, ошибочно, то некоему ибн Васиф-шаху, о котором практически ничего не известно. Критического издания не существует, в науке пользуются академическим переводом по критическому сведению всех дошедших рукописей Carra de Vaux 1898.

⁵ Maqrizi 1895.

⁶ Его имя в разных рукописях пишется то в грецизированном виде – «Малиус», то в арабизированном – «Малик» (Carra de Vaux 1898, 303, п. 1); первичным, доисламским (коптским) является, разумеется, первый вариант.

⁷ Согласно исламско-египетским ученым (которые, как и доисламские, полностью обратившись в христианство еще в IV–V вв. египтяне, осмыслили библейский Исход как одно из событий реальной египетской истории; это понимание присутствует и у более ранних авторов, например, у Манефона в III в. до н.э., Manetho Frg. 54, § 250), Исход и последовавшее сразу вслед за ним правление царицы Далуки составили грань эпох в существовании Египта. Макризи в «Хитат» при этом приводит (М. 412) царский список, заимствованный, видимо, из каких-то коптских трудов (судя по сплошь грецизированным именам царей и обороту «сообщают», которым Макризи вводит этот список), в котором осуществлена попытка совместить фигуру Далуки с царским списком XX–XXX династий,

О Малиусе сообщается (А. 303–314; М. 402), что он посреди всеобщего многовекового египетского язычества познал в видении Единого Бога, стал единобожником и отвратился от язычества, за что египтяне «его порицали» (А. 303–304, М. 402). Хотя после полученного им откровения Малиус считал, что «невозможно почитать идолов как богов» и можно «поклоняться (лишь) Создателю неба и земли, сотворившему все сущее», он не решился навязывать и даже открывать свое единобожие Египту. Он старался по крайней мере избегать ставшего ему отвратительным пребывания в храмах и участия в языческих обрядах, хотя некоторое время продолжал это делать. Он старался проводить больше времени, не посещая храмы (сюжет приписывает ему продолжительные походы и отлучки из Египта в качестве реализации этого желания). Затем он все же отвернулся от храмов настолько, что они пришли в небрежение, так что после его смерти храмы и культы пришлось восстанавливать (А. 314). Он обосновался (как следует по контексту А. 310) в районе Ашмуна (Гермополь в Среднем Египте). В конце концов Малиус скрылся от египтян в уединенное место возле выстроенной им гробницы и там возносил молитвы своему богу (А. 313). Перед смертью Малиус завещал своему преемнику, имя которого в разных рукописях пишется Хорма, Хартаба, Хариба, Харабийа и т.д.⁸, установить его единобожие по всему Египту, но тот, дав такое обещание, вместо этого на деле восстановил языческие храмы и культы, и в Египте вновь безраздельно воцарилось язычество (А. 314; М. 402). Для других царей ничего подобного этому сюжету исламско-египетская традиция не приводит.

Не приходится сомневаться, что это дошедшее в исламской рецепции предание об Амарнской реформе Эхнатона и контрреформе Хоремхеба (форму «Хорма», таким образом, надо признать наиболее ранней и добротной из дошедших вариантов написания имени царя, вернувшего прежнее положение язычеству). Не считая неисторического приписывания «Малиусу» дальних походов (мотив, в египетском легендарии способный связываться с разными царями), с реальной историей Амарны в высокой степени совпадает не только общее содержание предания, но и размещение центра, с которым оказывается связан царь (Ахетатон-Амарна находился рядом с Ашмуном-Гермополем), и мотив его «сокрытия» от язычников-египтян в месте его личного поклонения его Единому Богу (реально – тот же Ахетатон, выстроенный на пустынном месте), и место царя в царском ряду⁹, и другие подробности (даже фазы ужесточения отношения Эхнатона к тра-

взятым из труда Манефона и подвергшимся незначительной обработке. Сразу после Далуки и ее сына, с которых начинается этот список, в нем следует ряд хронологических сегментов, точно отвечающих по именам и срокам правления манефоновским династиям, начиная с XX-й (Mittag 1924, 53). Тем самым Далука точно отвечает царице Таусерт, которая вместе со своим пасынком Саптахом занимает последнее место в XIX-й династии, накануне воцарения XX-й. Содержание сообщений о Далуке и независимо от этого показывает, что ее прототипом была именно Таусерт (Банщикова 2007). Сразу отметим, что реальные имена царей в исламско-египетской арабоязычной передаче могут меняться и искажаться (в том числе при переписке) до неузнаваемости или просто заменяться на новые имена, в том числе прозвища (также подверженные дальнейшим искажениям при переписке).

⁸ Carra de Vaux 1898, 314, n. 1.

⁹ Малиус по арабоязычной традиции – 16-й царь до Далуки (считая назад от нее как от первой). Эхнатон был 14-м или 15-м правителем до Таусерт (считая от нее как от первой и в зависимости от того, засчитывать ли за отдельное правление пребывание на вершине власти вдовы Тутанхамона Анхесенамон, см. Немировский, Банщикова 2020, 266).

диционной столице и традиционной религии и его отдаления от них переданы адекватно, как и роль Хоремхеба, который возвысился при Эхнатоне как атонопоклонник, а потом выказал себя наиболее бескомпромиссным борцом с Амарнской реформацией и ее наследием¹⁰).

На этом фоне особое внимание привлекает не комментировавшийся ранее (в том числе в нашей публикации 2020 г. в силу ограниченности ее объема и задач) важный обособленный эпизод названной традиции о единобожнике-Малиусе. Его излагает только А (306–312). Сообщается, что в некоторый момент племя берберов (т.е. ливийцев)-колдунов, обитавшее западнее Египта в ближе неизвестном городе Кармида под управлением царицы-волшебницы и практиковавшее злую магию, навело на Нил вредоносные чары, расстроившие порядок разлива, в результате чего вода застаивалась, пострадал урожай и распространились вредоносные животные и болезни. Жрецы просили царя умолять богов в храме звезд о спасении. Царь втайне от жрецов стал молиться своему Единому Богу о том, чтобы тот избавил страну от названного злого племени. Бог послал ему видение – царь «увидел во сне человека, который сказал: “Бог (...) услышал твою молитву. Он уничтожит этот народ и уничтожит все их дела (...)”». Наутро царь отверг просьбу жрецов идти с ними в храм и молить там о спасении, сказав, что дело уже решено. Они усомнились в этом, но через два дня испорченная вода сошла, размножившиеся вредоносные звери погибли, «и все поняли, что слова царя были верны».

Царь послал своего военачальника со жрецом и войском разведать, что стало с городом указанных ливийцев («берберов»)-колдунов. Оказалось, что все его «укрепления пали и что все его жители мертвы» (кроме одного), причем «некоторые были сожжены, а их лица обуглились». Их идола лежали ниспровергнутыми, ликами к земле. Единственный оставшийся в живых обитатель города оказался «человеком, который не следовал религии его жителей, так как ему было видение».

Войско доставило этого человека царю вместе с сокровищами города. Царь так и не открыл никому, что чудо избавления послал его Единый Бог; он послал в мертвый город воинов доставить оттуда еще сокровищ, «и все жители Мисра и Ашмуна, которые хотели сопровождать их, могли отправиться на поиски ценностей в том городе» (А. 310; именно отсюда видно, что по сюжету царь базировался в это время в «Ашмуне» = Ашмунейне/Гермополе, в Среднем Египте). «Они навезли оттуда сокровища в большом количестве; простолюдины украшали ими свои дома и рынки; царь наполнил ими свой дворец; еще долго после всего случившегося руины того города привлекали тех, кто мог посетить его, и те, кто побывал там, редко возвращались неудовлетворенными».

Приведенный к царю выживший житель, не разделявший зловерия своего племени, рассказал Малиусу, что некогда при его жизни какой-то царь-великан во главе людей и ужасных призраков пришел войной на его племя (по смыслу его рассказа, жители его города тогда еще не были колдунами-зловерцами; во всяком случае, царица-колдунья далее даже не упоминается, а руководит всем коллегия жрецов). В племени был некий «почтенный жрец». Сев во главе других жрецов

¹⁰ Немировский, Банщикова 2020, 262–264. Имя «Малиус» может быть как искажением неясной природы, так и передачей одного из официальных имен Эхнатона – в условном египетском произношении «Мериатон», в реальном, реконструируемом по клинописным передачам – *Майати (Немировский, Банщикова 2020, 265).

над «обширным и глубоким» водоемом, питавшим город водой, он начал «читать молитвы над водой». Вода «вздулась и закипела, и из середины водоема изошел пылающий огонь, посреди которого был виден лик, размером и блеском напоминающий солнечный диск. Все преклонились перед этим ликом, чье великолепие ослепляло их. Этот диск вскоре заполнил всю поверхность водоема, поднялся до вершины свода и вознесся к небу. Затем они услышали глас: “Мы свершили правосудие над вашими врагами; выходите и подберите их останки”. Жители нашего города, исполненные треволения, вышли и, прибыв в лагерь осаждавших, обнаружили, что все они мертвы». Горожане собрали их имущество (все это образует полную параллель к позднейшей судьбе самого этого города под ударом, нанесенным по молитве Малиуса). «“Тогда я [выживший] сказал одному из жрецов: – Ты видел чудо этого лика. Что это такое? – Он ответил: – Это Солнце, которое явилось нам, и оно уничтожило всех [наших врагов] до последнего человека”. Его [выжившего] рассказ завершился, и царь [Малиус] сказал этому человеку: “Знаешь ли ты теперь причину вашей гибели?” “Не знаю, – ответил он, – но, наблюдая в ту ночь, я услышал громкий треск во время падения стен. Я хотел узнать, что это было. Я услышал глас неведомый, и увидел блеск огня, и почувствовал пламенные пары. Я жил на постоялом дворе (...) Среди всех, кто был там, (...) мужчин, женщин, молодых и старых, я не нашел ни одного живого. В пылу ужаса я взмолился Богу и воззвал к Нему. Я встал утром, и, когда взошло солнце и наступил рассвет, я не услышал никакого движения. Выйдя наружу, я увидел город в том состоянии, в котором его застали царские служилые”. Этот человек был умен и опытен. Царь сделал его своим спутником, визирем и другом».

Как видно из указанной молитвы к Богу, то видение, которое некогда узрел выживший и в силу которого он не разделял колдовского зловерия города Кармида накануне его гибели, было видением, аналогичным видению самого Малиуса – оно открывало обсуждаемому «берберу» Единого Бога, и тот уверовал в Него (в противном случае как он догадался бы молиться именно этому богу и почему один из всех был пощажен?). Поэтому Малиус его и приближает и возводит в визири – как истинного единове́рца. Далее, по всему контексту очевидно, что Кармида была уничтожена той же силой, что раньше спасла саму Кармиду от ее полудемонических врагов: одинаково присутствует пламя, сожжение и умерщвление жаром связанных с колдовской силой агрессоров при сохранении их имущества, которое потом забирают те, на кого они посягали. Да и сам рассказ выжившего «бербера» по своему месту в композиции не может быть ничем иным, как объяснением интригующей читателя загадки – какая же сила поразила Кармиду; если считать, что войско царя-великана сокрушила какая-то иная сила, эта загадка останется без ответа, а рассказ выжившего будет посвящен событиям, ничем не связанным со всем остальным повествованием.

Подведем промежуточные итоги. Единый Бог, которому (в результате полученных видений) поклоняются одинаково и царь Египта, и безвестный «бербер»-ливиец из какого-то западного оазиса (причем этого единове́рия, наряду с его умом и опытом, достаточно, чтобы царь сделал его своим визирем и другом), оперирует неким огненным явлением в виде солнечного диска с человеческим ликом. Этот диск, по мнению жреца-язычника из Кармиды – само Солнце. Названный

диск поднимается в небо и может сжигать и умерщвлять жаром тех, на кого падает гнев Единого Бога, в частности, врагов царя-единобожника Малиуса, и вообще злодеев, связанных с демонами и губительными чарами. Человека, принесшего весть об этом лике в виде солнечного диска, Малиус возвышает. В случае, когда жителям Кармиды угрожали силы царя-великана, этот диск-«Солнце» поднялся в небо из глубины водоема. Этот одушевленный, благодетельный и божественный феномен в виде солнечного диска внезапно приходит на помощь (силой и волей Единого Бога, как показывает случай с Малиусом) двум разным положительным персонажам предания и их народам (сначала Кармиде, городу праведного «бербера», а потом Малиусу с его египтянами), сжигая и удушая врагов этих персонажей и их народов (взявший драматизм повествованию придает то, что во втором случае оказался поделом наказан тот самый народ, который получил защиту в первом).

Учитывая, что Малиус – это Эхнатон, а его единобожие – это амарнское атопоклонничество, не остается сомнений, что появляющийся в рассказе о нем солнечный диск с ликом, который «почтенный жрец» из Кармиды определяет как Солнце – это и есть Атон, точнее, его зримое проявление в виде солнечного диска. Как мы сейчас увидим, и другие элементы приведенного рассказа достаточно адекватно передают особенности амарнской концепции Атона. Религии Эхнатона посвящено огромное количество работ, но параллели к этим элементам относятся к настолько общеизвестным ее аспектам, что здесь можно дать ссылку на общие очерки и использовать их информацию суммарно¹¹. Перечислим заявленные параллели.

(1) Общеизвестно, что Солнечное божество Эхнатона¹², которое мы обычно называем Атоном, было куда более масштабным, чем старое божество зримого солнечного диска с тем же именем Атон, использованным Эхнатоном при констру-

¹¹ Aldred 1975; Перепелкин 1988, 497–526, с дополнениями и поправками по Dodson 2009. См. тж. Hornung 1982 (общий очерк египетской теологии, в том числе ряда аспектов амарнской); Murnane 1995 (обширный корпус амарнских текстов в переводе).

¹² Оговорим для не-египтологов, что с некоторого момента Эхнатон стал почитать только Атона и самого себя – как старшее и младшее божества, под наименованием «властителей / государей»-*хека*, отвергнув при этом само традиционное слово для обозначения божества – *нетер*, поскольку оно прилагалось одинаково и к нему с его Солнечным божеством, и ко всем остальным, отвергнутым им богам. В рамках русского языка этому примерно отвечало бы отвержение слова «бог» как покрывающего всех языческих богов и обозначение единственных двух почитаемых божеств – царя и его небесного отца – термином «господарь». Все остальные из существ, ранее рассматривавшихся как «боги»-*нетеры*, видимо, считались теперь не фикциями, а демонами или иными креатурами, недостойными поклонения (Перепелкин 1988, 517). Иными словами, суть реформы сводилась к тому, что категория существ, которые ранее считались высшими сверхъестественными существами, подлежащими почитанию (божествами), обозначаемыми термином *нетер* – к их числу принадлежал и царь, «*нетер* благой» – была разбита религией Эхнатона на две категории: в одной остались два персонажа, обожествленный царь и его старшее Солнечное божество, теперь единственно достойные поклонения, в другой – все остальные, почитать которых Эхнатон считал неприемлемым, видя в них либо плод вымысла, либо, что вероятнее, духов, не подлежащих поклонению в силу их злой или сниженной природы. Чтобы отделить персонажей первой категории от второй (учитывая тот факт, что оторвать от второй слово «нетер» было практически невозможно), первых стали именовать словом «хека» вместо слова «нетер», а слово «нетер», относившееся отныне только ко второй из этих категорий, стало, соответственно, табуированным в текстах нового вероучения. С настоящим единобожием это «двоебожие» несовместимо, но *не считая* царя, бог в этой религии действительно оставался всего один (хотя словом, до тех пор всегда означавшим «бог», они оба больше не назывались).

ировании новой теологии. Солнечное божество Эхнатона аккумулировало в себе всю божественность, которую традиционная теология считала распределенной по конstellации всех богов, а Атон, божественный солнечный диск, был «лишь» зримым его обликом. В результате Солнечное божество Эхнатона могли, конечно, называть просто Атоном, но полное его имя звучало иначе: «Ра, государь-хека небосклона, ликующий в небосклоне под именем своим Ра-Отец, пришедший (т.е. являющий себя) как Атон»¹³.

Аналогичную парность главного и зримого дает история о Малиусе: есть Единый Бог (~ Солнце-Отец у Эхнатона), творец всего сущего, а есть зримый солнечный диск с ликом (~ собственно Атон Эхнатона, как и Атон традиционной религии), которым этот Единый Бог оперирует и посредством которого являет свою силу. Видимое отличие состоит только в естественном для монотеистической эпохи истории Египта упрощении: солнечный диск в рассказе о Малиусе – не проявление его Единого Бога, а инструмент последнего. Впрочем, язычник-жрец в пределах своего восприятия называет сам этот диск божественным Солнцем.

(2) Сожжение врагов царя-единобожника Малиуса солнечным диском-ликом переключается не только с общим представлением о том, как может карать Солнце, но и с эксплицитным амарнским топосом сожжения врагов царя. Так, в надписи приближенного Эхнатона, Туту, торжественно провозглашается: «Всякий ненавистный (царю) подпадает убиению, огонь пожирает его члены»¹⁴.

(3) Взмывание солнечного диска (по словам вызвавшего этот диск жреца из Кармиды – божественного Солнца) из середины глубокого и широкого водоема, хотя и помещено в городскую черту, чрезвычайно тесно переключается со стандартным египетским топосом о рождении Солнечного бога Ра из божественной первичной водной стихии (божества этой стихии) по имени Нун. В первое десятилетие эхнатоновского солнцепоклонничества, до полного разрыва со старыми богами, этот топос стандартно применялся к Солнечному божеству Эхнатона. Так, в надписях из фиванской гробницы Херуэфа говорится: «Ты, Ра, образ, который изошел из Нуна»¹⁵ (здесь даже есть соответствие обороту «лик» в истории о солнечном диске, связанном с Малиусом); ср. тот же топос о порождении Ра Нуном: «Ты появляешься во славе своей на закате как Атум (...) Ты правишь небесами как Ра, достигая обоих своих небес в ликовании. Ты отменяешь тучи и бури. Когда спускаешься ты в матку матери своей Науне, твой отец Нун приветствует тебя»¹⁶.

Поскольку точно также, именем Ра (причем как главным) называлось Солнечное божество Эхнатона и на финальной стадии его правления, и поскольку вообще едва ли в памяти потомства ранние его стадии могли точно дифференцироваться от поздних, этот топос о рождении Солнечного божества из первичного океана вполне мог оказаться и дальше связан в памяти части египтян с представлением

¹³ Hornung 1982, 246; Перепелкин 1988, 516. Не вдаваясь в сложный вопрос о соотношении этого Ра с прежним богом Ра, в данном случае это именование можно понимать просто как «[бог по имени] Солнце»; египетское слово *pa* в нарицательном смысле значит «солнце».

¹⁴ Перепелкин 198, 517; Murnane 1995, 198. Судя по всему, речь идет о сожжении заживо, а не о сжигании тела казненного с целью лишить его возможности погребения, хотя не вполне исключено и последнее.

¹⁵ Murnane 1995, 58.

¹⁶ Murnane 1995, 60.

о верховном боге Эхнатона (как он и был с ним связан в начале правления) и отозваться в обсуждаемом сюжете образом рождения огненного божественного Солнца из «глубокого и широкого водоема», с вознесением его оттуда в небо.

(4–5) Единоверцем Эхнатона, сообщившем ему о солнечном диске как инструменте и проводнике силы Единого Бога, возведенным Эхнатонам в визири, оказывается в нашем сюжете простолюдин и чужеземец – обычный житель какого-то ливийского поселения. По общим меркам это не самое ожидаемое сочетание для персонажа, с которым царь Египта разделяет свою потаенную от почти всех египтян правую веру и которого возвышает на второе место после себя самого. Однако при Эхнатоне общим местом текстов является то, что он возвышает в сановники «сирот»-*немху* (бедняки, обездоленные) и «простолюдинов»; сами его сановники систематически хвалятся, что они подняты из этих низов общества, и, вероятно, это в достаточной степени отвечало реальности¹⁷; столь же общим местом является пропаганда Атона как мирового универсального бога, проливающего свои милости и на египтян, и на чужеземцев¹⁸, причем в Ахетатоне отсутствует столь обязательное для других египетских столиц увековечивание сцен сокрушения чужеземцев¹⁹. Таким образом, и сюжет с «бербером»-единобожником, произведенным в визири, отражает и специфическую идеологию, и социальную практику Амарны.

Итак, «солнечный диск с ликом» в исламско-египетском сюжете о древнем царе-единобожнике достаточно хорошо передает целый ряд черт амарнского Атона. Возникает вопрос: каким образом на протяжении сотен лет могла воспроизводиться такая детальная (для легендарной традиции) передача реалий времен Амарнской реформации и ее творца-«единобожника» Эхнатона/Малиуса? Ответ представляется следующим. Прежде всего, общим местом является склонность египтян составлять литературные композиции, где героями выступали и хорошие, и плохие цари; эти композиции могли удерживать большое количество подлинных исторических деталей. Но непрерывная передача информации через такие композиции и устные предания, в отрыве от памятников самого прошлого, была не единственным механизмом поддержки исторических легенд в Египте – в отличие от большинства других стран мира, он изобилует памятниками, доступными потомству и более или менее понятными его ученым представителям и через тысячи лет после их появления. Ахетатон, после того, как его покинули и предали *damnatio memoriae*, оставался веками доступен для посещения и разграбления, включая гробницы. Любой грамотный египтянин, попавший туда, век за веком мог читать те же надписи, которые читают современные исследователи, только в большем количестве и в лучшем состоянии, а эти надписи достаточно полно и подробно передают вероучение Эхнатона. Было бы невероятно, если бы

¹⁷ Перепелкин 1988, 509–510.

¹⁸ См., например, большой гипс Атону в версии, помещенной в солнцепоклоннической гробнице Эйе: «О бог единственный, без другого помимо него! Ты сотворил землю по желанию своему, будучи единственным – людей, всех больших и малых животных тварей, всех, что есть на земле, что ходят на ногах или взлетают и летят на крыльях, чужеземные страны Хор (Сирия) и Куш (Нубия), (как и) страну Египта. Всякого ты установил на место его (...) языки их различны, природы их также, цвет кожи у них иной, ибо ты сотворил чужеземцев отличающимися (...) Господин всех краев, восходящий для них, Атон дневной, чье величие потрясает. Все страны отдаленные – ты даешь им жизнь» (Murnane 1995, 114–115).

¹⁹ O'Connor 2003, 181–182.

различные мотивы, от любопытства и желания увидеть свидетельства загадочного прошлого, до жажды сокровищ и надежд их обнаружить, не привлекали в заброшенный Ахетатон людей самого разного социального положения, от крестьян до ученых писцов и жрецов. Их впечатления, которые они могли выносить век за веком, также поддерживали бы воспроизведение обсуждаемой легенды вместе со многими ее деталями, восходящими к исторической реальности (в том числе порождая создание литературных композиций).

Наконец, обратим внимание на присутствующий в обсуждаемом рассказе образ Кармиды после того, как ее покарала божественная сила – лежащий недалеко от Гермополя заброшенный город, некогда могущественный центр зловерия, источник скверны для Египта; затем Солнце наказало его полным опустошением, и с тех пор египтяне в течение очень долгого времени наведываются туда в поисках затерянных богатств. Никакой ливийский оазис или лагерь такой памяти о себе оставить, вероятно, не мог, но именно так должен был восприниматься Ахетатон в легендарной памяти той части египтян, которая реформацию Эхнатона переживала враждебно и чье восприятие было близко официальной пропаганде царей-контрреформаторов, прежде всего Хоремхеба (а это была и основная масса элиты, и неопределенно большая часть простого народа). Для них Ахетатон и должен был оказаться расположенным недалеко от Гермополя городом пагубного зловерия, откуда исходила губительная для всей страны скверна (наследие такого отношения к Амарне давно выявлено, например, в знаменитой манефоновской новелле о царе Аменофисе и нечистых египтянах, Manetho. Frg. 54²⁰); затем город запустел – несомненно, по воле египетских богов, между тем, главными из них и в традиционной религии были именно солнечные божества. В частности, верховный бог, с которым так боролся Эхнатон – Амон-Ра – был бинарной констелляцией Амона Фиванского и все того же Ра, образ и имя которого использовал для построения своего Солнечного божества – «Ра-Отца, приходящего как Атон» – сам Эхнатон.

Не было бы ничего странного, если бы различные анти-эхнатоновские и про-эхнатоновские легендарные переработки реминисценций Ахэтатона сосуществовали друг с другом (в частности, в разных местах Египта могли ходить разные такие переработки); через сотни и тысячи лет они могли контаминироваться уже без осознания, что речь в этих легендах идет об одном и том же городе. Так «плохой Ахетатон» мог за века бытования преданий превратиться из лежащего близ Гермополя, но отъединенного от Египта могущественного города злой веры, враждебного стране и ее богам, еще и просто в город чужаков – иноземных врагов Египта (вполне возможное позднее, сгущающее краски развитие образа и для устной, и для письменной традиции) и, соответственно, несколько «переместиться» на запад, в края неегиптян-ливийцев, а уже после этого превращения он мог встретиться в рамках одного сюжета с нейтральной размытой памятью о том же Ахэтатоне как о безымянной базе царя-единобожника в районе того же Гермополя. Такая встреча могла состояться как раз на почве общих коннотаций с Гермополем и с реминисценциями божественного солнечного диска; и та, и другая коннотация в дошедшем исламско-египетском рассказе есть и у Кармиды, и у подразумеваемой ставки Малиуса в районе Ашмуна-Гермополя.

²⁰ См. Ладынин 2009.

Добавим, что если в христианский и исламский (точнее, исламско-христианский, учитывая процент христиан-коптов среди населения) периоды истории Египта древний царь-единобожник должен был уже по одному этому рассматриваться как положительный герой, то в предыдущие века дело должно было обстоять существенно иначе. Это осознавалось и отражалось в традиции самих христиан и мусульман – египтян: напомним, что рассказ о Малиусе прямо говорит, что египтяне его за единобожие «порицали». Тем более вероятным было возникновение «черных» легенд об Ахетатоне (вплоть до превращения его образа, уже оторвавшегося от развалин на восточном берегу Нила, в образ центра опасных врагов-чужеземцев) наподобие предположенной выше.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aldred, C. 1975: Egypt: The Amarna Period and the End of the Eighteenth Dynasty. In: E.S. Edwards et al. (eds.), *Cambridge Ancient History*. 3rd ed. Vol. II/2. Cambridge, 49–97.
- Banshchikova, A.A. 2007: Motivy drevneegipetskogo fol'klora v rasskaze Ibn Abd al-Khakama o tsaritse Daluke [Motifs of Ancient Egyptian Folklore in Ibn Abd al-Hakam's Story about Queen Daluka]. *Vostok [Oriens]* 1, 33–43.
- Банщикова, А.А. 2007: Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке. *Восток (Oriens)* 1, 33–43.
- Banshchikova, A.A. 2015: *Perelomnye epokhi v istoricheskoi traditsii i soznanii drevnikh egiptian: po istochnikam kontsa II tys. do n. e. – I tys. n. e.* [Turning Points in Historical Tradition and Consciousness of the Ancient Egyptians: Based on Sources from the Late 2nd Millennium BC – 1st Millennium AD]. Moscow.
- Банщикова, А.А. 2015: *Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян: По источникам конца II тыс. до н. э. – I тыс. н.э.* М.
- Carra de Vaux, B. 1898: *L'Abrégé des Merveilles*. Paris.
- Cook, M. 1983: Pharaonic History in Medieval Egypt. *Studia Islamica* 57, 67–103.
- Dodson, A. 2009: *Amarna Sunset*. Cairo.
- El-Daly, O. 2005: *Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. London.
- Hornung, E. 1982: *Conceptions of God in Ancient Egypt: The One and the Many*. Ithaca.
- Ladynin, I.A. 2009: Legenda o tsare Amenofise i final vtorogo tomosa truda Manefona [The Legend of King Amenophis (Manetho, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F.1) and the Finale of Manetho's Second Tomos]. In: O.A. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2007–2008 [St. Petersburg Egyptological Readings 2007–2008: In Memory of O.D. Berlev]*. St. Petersburg, 164–180.
- Ладынин, И.А. 2009: Легенда о царе Аменофисе (Manetho, frg. 54, Chaeremon, FGrHist. 618. F.1) и финал второго тома труда Манефона. В сб.: О.А. Большаков (ред.), *Петербургские египтологические чтения 2007–2008: памяти О.Д. Берлева*. СПб., 164–180.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2024: Siuzhety "Skazok papirusa Vestkar" i "Prorochestva Neferti" v pozdney egiptskoy traditsii o tsare Suride – stroitele piramid [The Plots of the "Westcar Papyrus Tales" and the "Prophecy of Neferti" in the Late Egyptian Tradition about King Surid, the the Pyramid Builder]. In: N.N. Dyakov (ed.), *XXXII Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki. Rossiia i Vostok [XXXII International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries. Russia and the East]*. St. Petersburg, 297–311.

- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. 2024: Сюжеты «Сказок папируса Весткар» и «Пророчества Неферти» в поздней египетской традиции о царе Суриде – строителе пирамид. В сб.: Н.Н. Дьяков (ред.), *XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток*. СПб., 297–311.
- Maqrizi. 1895: *Description topographique et historique de l'Égypte*. Vol. I. Cairo.
- Murnane, W. 1995: *Texts from the Amarna Period in Egypt*. Atlanta.
- Murray, M.A. 1924: Maqrizi's Names of the Pharaohs. *Ancient Egypt* 2, 51–55.
- Nemirovsky, A.A. 2019a: Rubezh XIX/XX dinastii i Iskhod kak istoricheskaya vekha v pozdneegipetsko-koptsКОЙ skheme istorii Egipta [The Turn of the 19th/20th Dynasties and the Exodus as a Historical Milestone in the Late Egyptian and Coptic Scheme of Egyptian History]. *Aegyptiaca Rossica* 7, 214–225.
- Немировский, А.А. 2019а: Рубеж XIX/XX династии и Исход как историческая вежа в позднеегипетско-коптской схеме истории Египта. *Aegyptiaca Rossica* 7, 214–225.
- Nemirovsky, A.A. 2019b: OdnО koptsкое predanie ob osnovanii Aleksandrii: pamyat' glubinoy v dve tysyachi let [A Coptic Tradition on the Founding of Alexandria: A Memory Two Thousand Years Deep]. *Mare Nostrum* 1, 7–63.
- Немировский, А.А. 2019б: Одно коптское предание об основании Александрии: память глубиной в две тысячи лет. *Mare Nostrum* 1, 7–63.
- Nemirovsky, A.A. 2022: Vladychestvo amalekitov v Egipte u araboyazychnykh avtorov: gik-sossкое pravlenie v egipetskiikh i aziatskiikh predaniyakh. Annotatsiya siuzhetov [The Rule of the Amalekites in Egypt According to Arabic-Speaking Authors: Hyksos Rule in Egyptian and Asian Traditions. A Summary of Narratives]. *Studia Historica* 17, 175–241.
- Немировский, А.А. 2022: Владычество амалекитов в Египте у арабоязычных авторов: гиксосское правление в египетских и азиатских преданиях. Аннотация сюжетов. *Studia Historica* 17, 175–241.
- Nemirovsky, A.A., Banshchikova, A.A. 2020: OdnО koptsкое predanie v "Sokrashchenii dikovin" (nezavisimaya obshchestvennaya traditsiya vne gosudarstvennogo vliianiya) [A Coptic Tradition in "Mukhtasar al-Ajaib": Independent Public Memory Outside State Influence]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 72, 255–270.
- Немировский, А.А., Банщикова, А.А. 2020: Одно коптское предание в «Сокращении диковин» (независимая общественная память вне государственного влияния). *Диалог со временем* 72, 255–270.
- O'Connor, D. 2003: Egypt's Views of 'Others'. In: J. Tait (ed.), "Never Had the Like Occurred": *Egypt's View of Its Past*. London, 155–185.
- Perpelkin, Yu.Ya. 1988: Drevniy Egipet [Ancient Egypt]. In.: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Istoriya drevnego Vostoka [History of the Ancient East]*. Pt. 2. Moscow, 295–572.
- Перепелкин, Ю.Я. 1988: Древний Египет. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *История древнего Востока*. Ч. 2. М., 295–572.
- Wiet, G. 1953: *L'Égypte de Murtadi fils du Ghaphiphe*. Paris.

CONCERNING ONE REFLECTION OF ATEN
IN THE ISLAMIC-EGYPTIAN TRADITION

Aleksandr A. Nemirovskiy¹, Anastasiya A. Banshchikova²

^{1, 2} *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: sidelts@inbox.ru*

² *E-mail: senet_m_ta@mail.ru*

The article discusses a separate narrative episode from the narration of Islamic-Egyptian work “Abridged [Description] of Curiosities” (c. 1000/1200 AD) about the ancient monotheist king “Malius”/“Malik” and his successor “Horma”/“Khartabs” who restored paganism. This narrative itself is confidently identified as a late form of the legend of Akhenaten and Horemheb transmitted continuously since their time. The episode in question concerns a divine solar disk with a face, which emerges from a body of water and is used by the One God to manifest His power through it, protecting those pleasing to Him and severely punishing the displeasing. Analysis of the episode reveals that this disk is a legendary reflection of Aten, and the motifs associated with it harken back to certain reminiscences of Akhetaten and the religious concepts of Amarna.

Keywords: Islamic-Egyptian tradition, Pseudo-Masudi, Amarna, Akhenaten, Aten, Horemheb

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 24-18-00378
